
Сад Долореса
Ты живёшь моей жизнью. Верни её.
18+
Ю. С. Раф

Ю.С. Раф

Сад Долореса

«Автор»
2026

Раф Ю.

Сад Долореса / Ю. Раф — «Автор», 2026

Долоресу семь лет, и он — идеальное оружие в руках своего отца, безумного инженера-маньяка. Задача мальчика проста: казаться невинным ребенком, находить на улицах города одиноких прохожих и приводить их в болотно-зеленый дом, где в холле цветет пластиковое дерево с человеческими головами. Дол искренне верил, что они очищают мир от лжи. До тех пор, пока последняя жертва не сломала его изнутри. Теперь он снова должен выйти на охоту.

© Раф Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 14

Ю.С. Раф
Сад Долореса

Глава 1

Солнечное утро. Яркий свет нагло пробивался сквозь щели в шторах, но в комнате всё ровно пахло затхлой сыростью и пустотой. Я выучил этот запах, я был там много раз. Обои свисали со стен, сухими лоскутами - точь-в-точь как облезшая кожа после ожога. За стенами нашего дома бурлила чужая, красивая жизнь, но мой мир был другим - тёмным, скрытым ото всех.

За дверью послышался глухой, тяжёлый удар. Отец в мастерской. Значит, пора.

Половицы привычно скрипнули под ногами. Я толкнул дверь в его рабочую комнату.

- Наконец-то поднялся, - мягко произнёс отец, не оборачиваясь.- Возьми тряпку. Нужно обработать урожай.

Я кивнул и послушно забрал инструменты. Моё утро почти всегда начиналось одинаково - с ухода за садом.

В холле, как обычно, стоял морозный холод. Отец говорит, что это лучшая температура для поддержания чистоты наших «плодов». Стены здесь казались почти чёрными. Тут пахло иначе: резкая, бьющая в нос химия смешивалась с дешёвым ароматизатором «лаванда». От этой смеси всегда першило в горле.

Пластиковое дерево росло прямо из центра холла. Высокое, ветвистое. Мне казалось, что почти каждую ночь отец добавляет ему новые ветви. Раньше я не доставал даже до нижних, но теперь подрос. К тому же отец сколотил для меня специальную лестницу, чтобы я мог дотягиваться до самого верха.

Я приставил лестницу к стволу, и искусственные листья испуганно зашуршали.На дереве висело много плодов, но я знал каждое в лицо. Вот то, на самом нижнем ярусе, совсем высохло и сморщилось, став похожим на сухофрукты, но на макушке всё ещё держались рыжие волосы. Оно висело тут столько, сколько я себя помнил. Кожа на нём обтянула кости плотно-плотно, будто пищевая плёнка.

Я бережно протирал мёртвые листья и «яблоки», поднимаясь всё выше. Когда работа была закончена и я уже собирался спускаться, отец окликнул меня снизу:

- Не слезай. Нужно повесить ещё одно.

Он подошёл ближе и протянул мне свежий плод. По сравнению со старыми, этот казался очень тяжёлым. Я перехватил его поудобнее, залез на самый верх и закрепил на ветке.

- Этот красивый, - с улыбкой выдавил я, заглядывая отцу в глаза. Мне так хотелось, чтобы он меня похвалил.

Отец едва заметно дёрнул уголком губ и кивнул.

Этот наш ритуал напоминал мне картинки, которые я подсматривал зимой в окнах чужих домов в городе. Там, в светлом мире, отцы сажали детей на шею, чтобы вместе закрепить большую звезду на верхушке ели. Я не знал, как называется тот праздник, но мы делали почти то же самое дважды в месяц. Только со своим деревом и своими обычаями.

Однажды я рассказал отцу про тех людей со звёздами, но он лишь нахмурился и ответил, что всё это обман. Что те люди врут друг другу, а мы с ним живём в тёмном, зато честном мире.

Прошло несколько дней с момента как мы повесили последнее «яблоко». Отец прибрался в мастерской и сжёг все ненужные вещи. Это был знак, что я скоро я снова пойду в город. От одной мысли об этом сердце начинало стучать быстрее. Мне нравилось подставлять лицо

настоящему солнцу и вдыхать уличный воздух - живой, сладкий, совсем не похожий на наши домашний. Но я заставлял себя помнить слова отца: город - это ложь. Люди там неправильные, и их нужно наказать.

Я лежал в своей комнате и разглядывал темно-изумрудный потолок. Иногда я представлял будто лежу на дне пруда, надо мной плавают хищные рыбы, которые выслеживают друг друга.

Снизу донёсся голос отца:

- Спускайся, Дол.

Внутри всё перевернулось. С одной стороны, мне не терпелось сбежать на волю, подальше от удушливой лаванды. С другой - к горлу подступил липкий, холодный страх. Перед глазами на секунду возникли лица и мне стало трудно дышать.

- Твой костюм висит на заднем дворе, переодевайся, - спокойно произнёс он. - В этот раз выбери кого покрепче, прошлые слишком быстро высохли.

Я молча кивнул.

- Ты ведь помнишь, Дол? - отец, пристально посмотрел на меня.- Не засматривайся на их фальшивые огни. Твоя задача - привести его сюда.

- Я понял, пап... - тихо ответил я.

- Молодец, сын, ты молодец. Ты знаешь нам это важно... Тебе и мне это важно, Дол - спокойно, но строго сказал он - хорошо, беги, малыш.

Я сразу сорвался с места, едва сдерживая прыгающее от волнения сердце. Отец доверял мне эту важную работу уже целых два года, два года наше дерево пополняется почти каждый месяц, а то и дважды. Раньше он делал это сам, но потом сказал, что у него это плохо получается. Что это - моё дело. Что я справляюсь замечательно. Когда он хвалил меня, внутри становилось очень тепло.

Мой выходной костюм всегда ждал на веранде. Папа вешал его туда сразу после очередного «урожая», чтобы одежда пропиталась ветром и не пахла нашей мастерской или формалином. Я быстро натянул голубую чистую рубашку, шорты и начищенные лаковые туфли. Подбежал к отцу:

- Я готов, всё хорошо?

- Да, хорошо - он взял мягкую щётку и причесал меня. - Можешь идти. Сегодня нужно только через 3 квартала. Не заходи в магазины, Дол. Просто выбери того, кто идёт один.

Наш болотно-зеленый дом прятался посреди огромного заросшего поля. Со стороны дороги он казался совершенно заброшенным, неживым. Отец разрешал мне играть только на заднем дворе, а с фасада мы никогда не появлялись. Вот и сейчас я выскользнул через заднюю дверь и пошёл в обход поля, пробираясь сквозь высокую сухую траву -точно так, как меня учили.

Квартал, еще один, поворот налево… И вдруг мир взорвался красками. Улицы были заполнены людьми в ярких одеждах. Дети ели белое мороженое, шумели, смеялись. Глядя на них, я тоже невольно улыбался. Но тут же одёргивал себя, вспоминая тяжёлые слова отца: «Все это обман. Эти люди врут. Они неправильные».

Я дошёл до своего самого любимого и самого запретного места - магазина игрушек мистера Эраста. Из-за разноцветной витрины было отлично видно, как мамы и папы покупали детям плюшевых медведей, кукол и заводные машинки. Дети тянули родителей за рукава, а потом выходили на улицу, растягивая рты в улыбках от уха до уха.

Однажды я всё-таки осмелился зайти внутрь. Я долго стоял перед полками, как заворожённый, пока ко мне не подошёл невысокий дедушка. На его груди висел маленький блестящий бейдж с именем «Эраст». Он не стал меня прогонять. Напротив, он показал мне, как работают механические игрушки - повернул ключик, и железный автомобильчик сам покатился по столу. Но когда я тогда вышел из лавки, в груди поселилась странная, горькая пустота. Мне

было больно смотреть на этих счастливых детей и добрую улыбку мистера Эраста, ведь у меня ничего этого не было. С тех пор я только смотрел сквозь стекло. Иногда мистер Эраст замечал меня, мягко махал рукой и улыбался. В такие моменты я сразу убегал - слишком сильно жгло где-то под рёбрами.

Я свернул в глубь кварталов, ища тихие улицы. Мне нужен был кто-то один. Там, где нет свидетелей.

Я долго плутал, пока не наткнулся на узкий, глухой проулок. Солнце сюда почти не проникало, пахло пылью, и от лёгкого сквозняка становилось зябко. Идеальное место. На железной пожарной лестнице сидел парень. Подросток, старше меня лет на десять. Он громко чавкал жвачкой и лениво катал ногой взад-вперед скейтборд.

Я сделал глубокий вдох, опустил плечи, напустил на лицо самое несчастное выражение, на какое был способен, и сделал шаг вперёд.

- Извините… - тихо шмыгнул я носом.

- Чего тебе, малец? - недовольно буркнул парень, не переставая жевать.

- Помогите мне, пожалуйста… Пожалуйста.

- Ты чего? Потерялся, что ли?

- Нет… мой щенок. Мы играли с ним там, на окраине, и он удрал в густую траву. Я боюсь идти туда один, там темно… А родители меня убьют, если я вернусь без него. Пожалуйста…

Я потёр глаза кулаком, искусно выдавливая скупую слезу. За два года я научился плакать в любую секунду. Парень вздохнул, с грохотом опустил скейт на асфальт.

- Ладно, пошли. Не хнычь, вытащим твоего пса.

Он подошёл и коротко, по-дружески потрепал меня по макушке, взъерошив уложенные отцом волосы. От этого простого жеста внутри у меня что-то испуганно ёкнуло.

- Показывай дорогу, - сказал он.

Он спрятал скейт под лестницу, и я повёл его за собой. Парень был огромным - выше меня на четыре головы. У него были светлые волосы и ясные голубые глаза. На мгновение мне стало не по себе, но в ушах тут же зазвучал строгий голос папы. Ложь. Вокруг одна ложь. Я старался думать о технической стороне дела: интересно, на какую ветку пластикового дерева отец решит его повесить? На верхнюю или пониже?

Всю дорогу парень пытался меня расшевелить, рассказывал какие-то глупые истории, чтобы я не боялся. Я послушно кивал, иногда забывая шмыгать носом.

Наконец мы вышли к полю. Я свернул натоптанной тропинкой в обход, чтобы нас никто не увидел с главной дороги. И чем ближе мы подходили к болтно-зелёным стенам, тем сильнее тяжелели мои ноги. Я вдруг поймал себя на мысли, что мне совсем не хочется возвращаться в холодный холл. И что в следующий раз тёплые лучи солнца согреют мой затылок очень, очень не скоро.

- Ну, малец, и где твой пес? Покричи его.

- Может, он убежал к тому дому? - я с жалостью посмотрел на него, затравленно оглядываясь по сторонам. - Давай посмотрим там, пожалуйста…

- А как зовут-то его?

- Э-э… Арчи. Арчи-и-и! - тут же закричал я.

Парень добродушно присоединился к моему крику, его басовитый голос разнёсся по полю.

- Ладно, пошли к дому. Наверное, нашёл какую-нибудь кость и забился под крыльцо.

Мы подошли к заднему двору. Парень продолжал звать несуществующего щенка, и я кричал вместе с ним. В глубине души мне до слез хотелось, чтобы из травы действительно выскочил пушистый ком. Чтобы я мог подхватить его на руки и пойти домой - в настоящий, светлый дом, как у тех детей из города… Я больно прикусил язык, прогоняя эти мысли. Все это ложь. Вокруг одна ложь. Папа прав.

В окне второго этажа на секунду мелькнул силуэт отца. Он коротко кивнул. Готов. Ждет.

- Вон он! Он в доме, я видел его в щель! Бежим скорее! - я рванулся к двери, дёрнул тяжёлое кольцо и притворился, что мне не хватает сил. - Помоги, она застряла!

Парень подбежал, схватился за ручку и с силой потянул дверь на себя. В нос тут же ударил густой, удушливый запах сырости и лаванды. Мой дом. Подросток озадаченно заглянул в полумрак холла.

- Эй, Арчи… Иди сюда, малыш. Где он тут?

- Он внутри, в самом конце, достань его, пожалуйста, ну пожалуйста! - взмолился я, подталкивая его в спину.

Парень сделал шаг через порог, и я скользнул следом. В ту же секунду дверь за нашими спинами оглушительно захлопнулась. Лязгнул тяжёлый засов.

- Что… Что за черт? Мужик, ты кто? - Парень испуганно завертел головой, переводя дикий взгляд с внезапно выросшего перед ним отца на меня. - М-малец? Ты чего?

Он был в ужасе. Я хорошо знал это чувство. Мне казалось, за два года я научился различать запах страха на вкус - сейчас холл пах именно им, острым и металлическим. Парень начал пятиться, его кеды шумно шаркали по доскам. Отец молча, монолитно наступал на него.

Я замер у стены, не в силах пошевелиться. В последний раз я встретился взглядом с его круглыми от паники голубыми глазами. Мне снова стало невыносимо жаль его. Я резко опустил голову, уставившись на носки своих лаковых ботинок. Нельзя жалеть. Они все врут. Они плохие.

Спиной парень наткнулся на массивный ствол в центре холла. Он судорожно обернулся, пытаясь нащупать опору, и задрал голову вверх. Прямо над ним висели десятки сморщенных, серых «яблок» с остатками человеческих волос. Парень оцепенел, не способный вымолвить ни звука.

Отец не медлил. Его сильные, пропахшие формалином руки взметнулись вверх. Лязгнул скрытый инженерный механизм под потолком, взвизгнул тугой трос. Парень резко взлетел вверх, повиснув напротив ветвей. Его ноги и руки неестественно, судорожно задёргались. Он захрипел - в этот раз удивительно громко и долго. Его пальцы слепо цеплялись за пластиковые листья, и этот сухой, яростный шорох особо остро резал мне слух. Обычно все заканчивалось за пару минут, но сейчас мне казалось, что прошла целая вечность.

Когда все стихло, отец тяжело выдохнул и повернулся ко мне.

- Молодец, Долорес. Ты большой молодец, мой мальчик, - его ладонь опустилась на мое плечо, но внутри эта похвала больше не зажгла привычной радости. Там было пусто. - Иди, сын. Поешь.

Я молча кивнул и побрёл на тёмную кухню.

Всего полчаса назад я был в ярком, живом мире, а теперь снова очутился в своей тёмно-зелёной реальности. На деревянном столе меня уже ждала тарелка с густой серой кашей и банка мутных солёных огурцов. Я сел на стул. Достал из кармана обрывок цветной газеты, аккуратно подложил его под тарелку вместо салфетки, а по бокам разложил ложку и тупой нож. Я не знал, зачем это нужно, но видел сквозь витрины городских кафе, что люди делают именно так.

Каша была безвкусной, тягучей и совершенно холодной. В городе дети ели пышные блинчики с янтарным сиропом и разноцветное мороженое… Я не знал их вкуса, но помнил сладкий запах, доносившийся из дверей кондитерской. Закрыв глаза и зажав нос пальцами, я впихнул в себя первую ложку, мысленно представляя, что жую то самое мороженое. Ммм… Вот бы хоть раз попробовать.

В нашем доме только крупы и консервы, которые, казалось, пылились в подвале целую тысячу лет. Иногда отец выкапывал мелкую картошку на заднем дворе - это были лучшие дни. Картошка была моим самым любимым блюдом.

Я уныло скрёб ложкой по дну, пытаясь заставить себя проглотить ещё хоть немного. Из холла доносился тяжёлый грохот и протяжный скрип половиц. Это отец снимал парня с троса. Затем послышался глухой звук волочения - тело тащили по коридору в сторону закрытой мастерской. Внутри меня впервые зародилось странное, всеобъемлющее чувство. Оно стальными обручами стягивало грудную клетку, не давая дышать. Наверное, поэтому каша не лезла в горло.

- Чего не ешь? - Отец бесшумно вырос в дверном проёме.

Как давно он тут стоит? Вдруг он догадался, о чем я думаю? Вдруг накажет за то, что я снова вспоминаю запретный город?

- Я… я просто выпил много воды на улице, - соврал я, сжимая ложку. - Там было очень жарко. Пришлось много ходить.

- Ты молодец, сынок. Ты совершил благое дело. Но для нашей миссии нам нужны силы, Дол, - спокойно и веско произнёс отец.

- Я знаю, знаю… - почти под нос пробормотал я.

Отец достал из ящика длинный разделочный нож, подхватил старое ведро и развернулся, собираясь уйти к своему новому трофею. Но что-то внутри меня оборвалось.

- Пап… - тихо позвал я.

- Что? - он остановился, не оборачиваясь.

- А мы с тобой… мы когда-нибудь раньше были в городе вместе? Ну, до того, как поселились здесь? Может быть, мы гуляли в парке? - Я затаил дыхание, глядя ему прямо в спину.

Отец медленно повернул голову. Его глаза за стёклами очков казались огромными и холодными.

- Долорес… ты ведь сам все знаешь.

- Ну...

- Долорес! - голос отца прозвучал резче обычного.

- Да, пап, - я поспешно опустил глаза, уставившись в тарелку с серой жижей.

- Ты должен помнить: всё там построено на лжи. Люди вгрызаются друг другу в глотки. Они жестоки. Они обязательно обманут. Тот мир насквозь прогнил. Но здесь у тебя есть дом. У тебя есть я. У тебя есть наше дерево. Мы живем, чтобы очищать эту землю… Ты ведь понимаешь меня, сын?

- Да, пап…

- Долорес, посмотри на меня.

Я послушно поднял голову.

- Ты не должен грустить по ним. Не смей жалеть этих людей. У нас есть великая миссия, помнишь? - я покорно кивнул. - Дол, когда меня не станет, ты продолжишь моё дело.

- Куда не станет, пап?

Холодная пустота в груди разрослась до невероятных размеров. Отцовские слова прозвучали как приговор. В этой вселенной у меня был только он, папа был нужен мне сильнее всего на свете. В ту секунду я впервые ощутил настоящий, липкий страх. Наверное, точно такой же страх испытывали те люди из города, когда за их спинами оглушительно захлопывалась наша входная дверь.

- Нам не нужно говорить об этом сейчас. Ты всё поймёшь, когда придёт время, - отрезал отец. Он развернулся и пошёл по коридору. - Когда придёт время, ты всё поймёшь.

Я услышал, как тяжело скрипнула и закрылась дверь мастерской. Отец ушёл работать над новым «яблоком». Кое-как, зажимая нос рукой, я запихал в себя остатки безвкусной каши и сбежал к себе наверх.

В своей болотно-зеленой комнате я привычно улёгся на кровать и уставился в потолок. Я снова пытался представить рыб в изумрудном пруду. Только теперь мне хотелось думать, что они не охотятся друг на друга. Может, они просто общаются? Может быть, рыбы умеют дружить и играть?

Я не заметил, как провалился в тяжёлый сон. А проснулся от того, что мне снились глаза. Те самые ясные, голубые глаза нашей последней жертвы. Грудную клетку сдавило так, что стало больно.

Я соскочил с кровати и рванул в сторону плотные шторы. В комнату хлынул бледный лунный свет. Я редко видел луну: обычно ночами усталость просто сбивала меня с ног, и я спал без задних чувств. Но лица мертвецов мне никогда раньше не снились. Почему же этот парень со скейтом пришёл ко мне во сне?

Я долго стоял у стекла, наблюдая, как ветер лениво колышет высокую сухую траву вокруг дома. Дышать по-прежнему было трудно. «Отец уже спит», - промелькнуло в голове. Может, если я выйду на улицу и глотну настоящего ночного воздуха, этот стальной обруч в груди наконец разожмётся?

Эта навязчивая мысль мучила меня около часа. Я заворожённо смотрел в темноту, не решаясь сделать шаг. Наконец я пересилил себя и тихонько двинулся к двери. Половицы предательски поскрипывали под носками. Нужно было идти очень, очень тихо. Наш дом всегда шумел от каждого вздоха - он казался мне живым существом. Я панически боялся, что стены выследят меня и нашепчут отцу, что я брожу по коридорам посреди ночи.

Я уже почти спустился к веранде заднего двора, как вдруг резко остановился. И поменял направление. Раз уж папа крепко спит, почему бы не выйти через главный вход? Ночью на улице никого нет. Нас никто не увидит. А мне так хотелось посмотреть на дом с той стороны, откуда приходят жертвы.

Входная дверь тяжело, протяжно застонала. Я замер на пороге, испуганно сжимаясь и ожидая, что из темноты вот-вот выскочит разъярённый отец. Но в глубине дома было тихо.

Я осторожно спустился по деревянным ступеням крыльца. Мягкая прохлада ночи мгновенно окутала меня, словно тонкое, свежее одеяло. Это было невероятно приятно. Я и не знал, что темнота может быть такой ласковой. Вокруг отчётливо звенели голоса каких-то ночных

птиц, лунный свет казался почти таким же осязаемым, как солнечный, а влажная трава щекотала босые пальцы ног.

Стальной обруч в моей груди лопнул. Дышать стало легко. Нет, я не забыл те испуганные голубые глаза, которые заставили меня проснуться. Теперь я был даже благодарен им за то, что они выгнали меня из душного холла. Я оказался здесь, с парадного входа… В самый первый раз в жизни.

Вдалеке, у самого горизонта, что-то ярко искрилось. Там, в стороне запретного города, горели тысячи маленьких разноцветных огоньков. Мне до безумия хотелось сорваться с места и побежать туда, чтобы рассмотреть их поближе. Я закрыл глаза, жадно вдыхая свободу и представляя, как выглядит этот сияющий ночной мир. Я расправил руки, будто крылья, и просто дышал. Вдох… Выдох… Вдох…

- Долорес! Что ты творишь?! - раздался яростный, оглушительный крик.

Отец стоял на крыльце, и его лицо выглядело по-настоящему страшным. Брови изломались под диким, неестественным углом, губы побелели. Я застыл на месте, парализованный новой волной ужаса.

- Долорес, марш в дом! Живо! - сорвался он на хриплый визг. Из его рта летели брызги слюны, и мне казалось, что его ярость долетает прямо до моих глаз.

Эти крики больно резали уши. В груди снова всё мгновенно стянуло, перекрывая кислород. Я сломя голову бросился обратно по ступеням.

-П-п-прости, пап… Пожалуйста, прости! - слезы градом покатились по щекам, руки крупно, неудержимо затряслись. Я никогда в жизни не видел отца в таком бешенстве.

Папа с грохотом захлопнул дверь и задвинул засов.

- Отвечай! Что ты там делал?!

Я судорожно хватал ртом воздух, не зная, что соврать. Слезы заливали лицо, колени подкашивались и бились друг об друга. Я забился в угол холла и молчал.

- Долорес! Что. Ты. Там. Делал? - Отец чеканил каждое слово, и его вопли невыносимо били по перепонкам.

Молчать дальше было смертельно опасно.

- Я… мне просто стало трудно дышать, - взмолился я, захлёбываясь слезами. - Я вышел только подышать… Папочка, пожалуйста!..

Последнее слово прозвучало как жалкий скулёж. Мне до боли хотелось отмотать время назад, остаться в своей комнате и покорно смотреть на изумрудный потолок…

- Почему трудно дышать? Хочешь, скажу почему? - Отец шагнул ко мне, и его тень накрыла меня целиком. - Ты становишься таким же лживым, как те, за стенами. Ты жалеешь тех, кто никогда не пожалеет нас! Тебе жалко этого парня?

Отец выждал мучительную паузу. Я молчал, вжавшись в угол.

- Ответь честно, Долорес. Я твой отец, я должен знать.

- Пап, нет! Прости меня, я никогда больше так не сделаю! Хватит, папочка…

Я не выдержал, сорвался с места и бросился к нему, отчаянно надеясь на спасение. С разбегу уткнулся в его колени, крепко обнял за ноги, и мой беззвучный плач перерос в истерические рыдания. Ну же, папа, обними меня, просто обними, - колотилось в мыслях. Но отец лишь холодно отступил на шаг, заставив мои руки соскользнуть.

- Долорес, я не могу оставить это просто так. Тебе придется усвоить урок.

Он грубо перехватил меня за шиворот рубашки и потащил по темному коридору к мастерской. Мы остановились у массивной запертой двери.

- Жди здесь.

Я замер, послушно выполняя приказ. Из-за закрытой двери донеслись странные звуки: сначала глухие, тяжёлые удары, затем резкий, отчётливый скрежет металла. Через минуту отец вышел. Его руки были спрятаны за спиной.

- Иди в холл, к дереву.

Я поплелся вперед. Ночью наш дом казался ещё темнее и враждебнее, чем днём. И пластиковое дерево в центре холла теперь выглядело по-настоящему пугающим. Его чёрные ветви, похожие на костлявые длинные пальцы, тянулись во все стороны, заполняя собой пространство. При свете солнца я никогда этого не замечал.

- Дол, ты будешь сидеть здесь до самого утра.

- Хорошо, папа, я буду, - я был согласен на всё, лишь бы он перестал смотреть на меня этим ледяным, чужим взглядом.

- Садись.

Я послушно опустился на холодный пол.

- Держи. - Отец резко протянул руки вперёд.

На мои колени упала свежая голова. Голова того самого красивого, голубоглазого парня. Но сейчас его лицо выглядело чудовищно. Глаза были полуоткрыты, рот застыл в беззвучном крике безысходности. Это был не умиротворённый «плод», к которым я привык. Обычно отец долго трудился над ними в мастерской, очищал, прятал срезы под аккуратными бежевыми мешочками, делая их похожими на диковинные сувениры. Но сейчас это был сырой, страшный полуфабрикат, испачканный липкой тёмной влагой.

Отец держал его за русые волосы.

- Держи, Долорес!

Я оцепенел, не решаясь протянуть руки. Раньше я делал это десятки раз, но этот парень был другим. Он был настоящим.

- Держи!!! - прикрикнул отец, и его голос эхом разнёсся по морозному холлу.

Я судорожно вытянул руки, и отец переложил тяжелую ношу на меня. Я сразу же уткнулся взглядом в пол, не в силах смотреть.

- Нет, Дол. Смотри на него. Смотри ему в глаза.

Отец развернулся и ушёл, оставив меня в кромешной тьме.

Я сидел, содрогаясь от озноба, и против своей воли медленно развернул лицо парня к себе. В полумраке я принялся всматриваться в его едва заметные, остекленевшие зрачки. Я не знаю, сколько часов прошло. Час, два, вечность… Но постепенно мне начало казаться, что лицо оживает. Будто подросток смотрит на меня в ответ - с немым укором.

Мне снова стало невыносимо жаль его. Впервые за всё время я поймал себя на мысли: а кем он был? Как его зовут? Почему я не спросил его имя там, в переулке?

Ещё через какое-то время я поймал себя на том, что мысленно прошу у него прощения. Может, мне не стоило подходить именно к нему? Я крепко зажмурился, пытаясь заглушить эти мысли, судорожно повторяя про себя отцовские наставления: «Они лживые, они плохие, мир нужно очистить». Но перед глазами упрямо вставала одна и та же картина: парень сидит на пожарной лестнице, шумно жуёт жвачку и лениво качает ногой скейтборд. Там, в глухом городском переулке, под железными ступенями всё ещё стоит его скейт. Но за ним больше никто и никогда не придёт.

Мои глаза снова стали мокрыми. Но теперь это был не страх перед отцом. Я не знал, что это за чувство, просто стальной обруч в груди сжался с такой силой, что изнутри вырвался тихий всхлип.

- Дол… - негромко позвал отец.

Я вздрогнул и поднял опухшие глаза. Холл уже был залит бледным утренним солнцем. Я даже не заметил, как наступил рассвет.

- Дол, ты можешь идти к себе.

Отец протянул руку, чтобы забрать трофей, но мои пальцы за долгую ночь словно окаменели, намертво вцепившись в русые волосы.

- Отпусти его, - повторил папа и потянул голову на себя.

Я разжал онемевшие пальцы.

- Вставай и иди в комнату.

Я попытался подняться, но колени были мягкими, как вата, и совершенно не слушались.

- Я надеюсь, ты хорошо усвоил этот урок? - тихо спросил отец мне в спину.

- Да, пап… - обессилено прошептал я.

Я плохо помню, как дополз до своей комнаты и как повалился на кровать. Но едва моя щека коснулась шершавой подушки, веки налились свинцовой тяжестью. Засыпая, я зачем-то попытался закатить глаза - точно так же, как это сделал той ночью парень со скейтом.

Глава 2

Мои веки тяжело разлепились, будто были приклеены друг к другу клеем. Комнату заливал сумрачный, серый свет - на улице снова было пасмурно. В нос сразу ударил запах формалина, сырости и той же усталости. Я впервые поймал себя на мысли, что меня тошнит от этого запах и ком в горле нарастал с каждым вдохом. На столике рядом с кроватью мигала старая трубчатая лампа. Неужели я проспал до самого вечера? Нужно вставать, нужно пойти к отцу, но тело не слушается, мышцы будто не принадлежали мне, всё тело ломит как при болезни, пальцы ноги и рук онемели. Я посмотрел на потолок, но изображение прежнего прохладного пруда больше не приходило ко мне. Стоило закрыть глаза, как я снова видел лицо того парня. Сначала - живое, когда он смотрел на меня и хотел помочь, а затем - застывшее в необратимом, вечном ужасе. Отец будет ругать меня снова? Я ведь проспал целый день, приходится напрячь мышцы вопреки командам мозга «лежать». Снова скрипучие половицы, лестница, холодный коридор. Из мастерской отца слышны бурлящие звуки, он всё ещё готовит «свежий плод». Я решил не стучать к нему, решил пойти на кухню и попробовать выпить воды, чтоб вкус плесени и химикатов отступил. Желудок уже давно прилип к моей спине, но чувства голода не было. Стоило мне сделать шаг, как дверь мастерской с тихим щелчком приоткрылась.

- Наконец проснулся, малыш. Я уж было начал переживать, - голос отца прозвучал мягко, ласково - так, как никогда прежде. Раньше от интонации у меня точно потеплело бы в груди, но сейчас от этой нежности к горлу подступила горячая, липкая тошнота.

- Прости, пап, я не думал что просплю пол дня...

- Пол дня? Дол, ты спал двое суток.

Я удивлённо уставился на него, сжимаясь в комок. Что теперь будет? Он накажет меня? Заставит вернуться в холл?

- Ничего Дол, всё в порядке,- добавил он, заметив мой испуг. - Я всё понимаю. Ты усвоил тяжёлый, но важный урок. В жизни нужно проходить через испытания. Но у нас накопилось много работы. Наш сад требует ухода, нужно протереть плоды.

- Хорошо, - я развернулся и пошёл за ведром и тряпкой.

- Сначала нужно подкрепиться, пойдём поедим вместе?

- Вместе? - удивлённо переспросил я. За то время, что я себя помню мы почти никогда не ели вместе.

Чем дальше мы отходили от мастерской, тем отчётливее я слышал «вдохи» нашего дома, ветер завывал в щелях, сквозняк добирался до холла и листья пластикового дерева шелестели так громко, будто оно стояло внутри меня.

По центру на кухне висела одинокая засаленная лампочка, она маятником раскачивалась и тени раздувались и сжимались в такт моему дыханию.

-Садись, - отец указал на табурет. - Я положу тебе еды.

Я послушался. Отец достал алюминиевую кастрюлю со склизкой серой массой. Затем подошёл к старому радиоприёмнику и принялся крутить пластиковое колёсико, настраивая волну. Минуту мы слышали только хрипы, которые на мгновенье отправили меня в прошлое, где парень задыхался на верёвке. Звук был один в один.Но вот сквозь помехи пробилась мелодия, которая вернула меня из холода воспоминаний, женский голос пел о любви и счастье, пока меня наполнял запах смерти. Затем отец одним движением плюхнул в мою тарелку порцию каши, которая в полумраке отливала болотной зеленью. Он с размаху вонзил туда ложку, поставил у моего носа. Запах старого горклого масла напрочь убил во мне желание запихать что-то в рот. Отец положил свою порцию и сел рядом.

Он молча наблюдал за тем, как я замер над едой. Мне отчаянно хотелось закрыть нос руками, чтоб проглотить хоть ложку вязкой субстанции, но я знал: за такое брезгливое движение отец сразу накажет. Я приостановил дыхание, поскрёб ложкой тарелку, зачерпнул немного месива и сунул в рот. В меня словно залили раскалённого железа, хотелось вывалить все обратно в тарелку, но я не жуя сглотнул. Отец начал есть, но с видимым удовольствием и улыбкой на лице, его ложка с равными отрывками билась о край тарелки. На радио женский голос продолжал запевать о прекрасном любовном романе.

- Как думаешь, Дол, куда мы повесим этого парня? - спросил отец, методично прожевав очередную порцию каши.

Мне не хотелось отвечать. Сама мысль об этом заставила меня сжать алюминиевую ложку в руке так сильно, что пальцы вжались в ладонь, но боли не было, только вкус горького жира на языке. Я перевел взгляд на протертую, почти до дыр, пожелтевшую клеенку.

- Я не знаю,- мой голос звучал как хруст бумаги.

Отец замолчал. Чтобы отвлечься, я мысленно сосчитал три покачивания лампы под потолком.

- А я думаю может по центру, там его будет видно с каждого уголка дома,- бодро говорил он. - Да, думаю прекрасная идея! Там свет будет ложится на его скулы, будет очень правильно,- он откусил почти засохший кусок хлеба, чей хруст заполнит всю комнату, словно звук ломающейся в лесу ветки.

- Да, хорошая идея, - я изо всех сил пытался скрывать отвращение как мог, в моем носу снова стоял тот запах мокрого ржавого железа.

Отец покачивал головой в ритм песни, что звучала из старого радио.

- Нужно заготовить дров, скоро начнётся сезон дождей, - добавил он совершенно беззаботно, параллельно смахивая крошки со стола себе в ладонь. Под потолком всё так же ритмично качалась лампа. С каждым словом отца мне казалось, будто в мою грудь медленно, сантиметр за сантиметром, вдавливают тупой нож. Он рассуждал о месте для мёртвой головы с такой же обыденностью, с какой говорил о заготовке дров на зиму. Раньше я послушно кивал и не замечал этого. Сейчас мне хотелось только одного - выскочить и бежать отсюда без оглядки через поле.

- Да, пап, - сухо ответил я, не поднимая глаз.

- Прекрасно! - отец уже доел. Он встал из-за стола и пошёл споласкивать тарелку,- доедай и приступай к работе. Нужно протереть каждый лист. Каждое наше «яблоко».

Я дождался, пока отец уйдёт, и замер, слушая, как тяжёлая дверь в мастерскую дважды скрипнула, закрываясь . Только тогда я поднялся и бесшумно вывалил остатки склизкой массы в ведро с помоями. Пришлось немного поворошить месиво старой ложкой, чтобы каша смешалась с остальным мусором и отец ничего не заметил, если вдруг решит заглянуть внутрь. Я сполоснул жестянку и выключил радио, которое каждую секунду больно резало мне слух.

Когда я вышел с кухни, солнце почти ушло за горизонт. Наш дом стремительно погружался во тьму. Свет из мастерской мигал под дверью, отбрасывая на пол рваные тени. Я слышал как отец насвистывал мелодию подпевая чему-то булькающему. Ветер на улице завывал всё яростнее. Разросшийся под окном куст у главного входа ветками царапал стекло. Этот скрежет слишком сильно напоминал мне звук, с которым отец отскабливает налёт с зубов наших мёртвых «плодов».

Вдоль по коридору и вовсе стоял непроглядный мрак. Подавляя дрожь, я зажёг один настенный фонарь. Жёлтый луч резко прорезал темноту, вырывая из неё кружащиеся клочья пыли.

Дерево по-прежнему стояло в самом центре холла. Огромное, неподвижное, оно зловеще возвышалось надо мной. Я с трудом подвинул тяжёлую приставную лестницу. Пластиковые листья зашелестели, задевая друг друга с сухим костяным звуком.

Я приступил, как раньше, с нижних веток, но сейчас я разглядывал каждое «яблоко», протирал их лица тщательней. Тряпка в моих руках быстро стала серой от пыли и напиталась запахом лаванды, смешанным со смертью. Я всматривался в их черты лица, всё больше задумываясь о том, что я не знаю ни одного имени, ведь большинство сюда привёл именно я. Их лбы были холодными, лица твёрдыми, волосы стали сухими как трава вокруг нашего дома. Как, например, звали эту маленькую девочку с розовым, уже выцветшим бантом в косичке? Кажется она даже младше меня... Кто был этот старик с седой густой бородой? Какие у них были жизни до того как они попали сюда?

Я протирал плод за плодом, лист за листом, и над каждой головой задавал себе эти безответные вопросы, пока в фокусе моих мыслей не вспыхнуло отчётливое, громкое: «МОЖЕТ ТОГДА Я ДАМ ИМ ИМЕНА?».

Я ещё раз заглянул в стеклянные глаза девочки: «Ты будешь Хизер». Давать имена было до ужаса жутко, будто покойники собрались в самом тёмном углу холла, где я их не вижу и я их вызывал по одному. Но я всё равно произнёс вслух новое имя для девочки:

- Хизер, - шепотом, едва слышно даже мне самому. Звук моментально завяз в густой листве мёртвого дерева. Затем я снова повернулся к бородатому старику. Коснулся его колючей бороды - в ней были пыльные хлопья. Я как следует намочил тряпку и бережно протёр его бороду, отчаянно пытаясь сделать её хотя бы немного мягче и чище, - Билл, - так же тихо выдохнул я.

Внезапно звуки из мастерской стихли. Секунду спустя раздался протяжной, скрежещущий лязг металла. Я испуганно вскинул голову: отец уже подготовил крюк для последней добычи. Тряпка с глухим шлепком плюхнулась на пол. В тусклом свете фонаря начищенная сталь крюка зловеще блестела - новое место на дереве уже ждало своего плода.

За спиной резко щёлкнула дверная ручка. Всё тепло разом испарилось из моего тела, оставив лишь холодную, пустую оболочку. Полоса жёлтого света на полу стремительно выросла, дверь со скрипом распахнулась, и тяжёлый, размеренный шаг отца прозвучал для меня как смертный приговор. Через несколько секунд в дверном проёме вырос массивный силуэт. На отце был серый прорезиненный фартук, густо покрытый каплями запёкшейся крови. Его высокие сапоги были мокрыми. С каждым его шагом я всё сильнее вжимался в перекладины лестницы, отчаянно мечтая раствориться среди фальшивых ветвей. Стать той самой серой пылью, которую я только что стирал.

Отец подошёл вплотную к лестнице. Желтый луч фонаря наконец упал на то, чего я больше всего не хотел видеть. Пальцы отца были липкими от воска, который приторно пах эфирным маслом лаванды. Но этот аромат больше не мог обмануть меня - он мешался с резким, едким запахом ацетона, формалина, ржавого железа и парной, свежей плоти. Я судорожно сжал челюсти, пытаясь подавить накатывающие рвотные позывы.

Голова парня выглядела чудовищно, пугающе живой. Его русые волосы были аккуратно уложены волосок к волоску - точно так, как отец причёсывал меня самого перед редкими походами в город. На щеках покойника проступил яркий, неестественный румянец. А его голубые глаза, обработанные химикатами для консервации, теперь стекленели под потолком глубокой, ядовитой бирюзой.

Кожа на моих руках покрылась пупырышками, а волосы встали дыбом от леденящего холода, исходившего от этой идеальной страшной красоты. Я покачнулся, едва удерживая равновесие на узкой перекладине. Отец протянул мне голову.

- Держи, - коротко бросил он. Его тёплые, липкие пальцы на секунду коснулись моих. Мне пришлось низко наклониться. Ступенька под ногами жалобно, натужно проскрипела. Я обхватил плод ладонями, волосы впились мне в пальцы. Тяжесть была непомерной - казалось я держу не плод, а всю вину этог мира. Там, где раньше была шея, все было залито гладким,

ещё хранившим остатки тепла воском. Я моментально вспомнил про кость, торчащую из его основания в ту ночь.

Дрожа в коленях, я начал медленно подниматься к самой вершине дерева. Каждый шаг давался с невероятным трудом, казалось, ещё секунда - и мы с этим страшным грузом вместе полетим вниз.

На затылке у всех голов были ровные продольные разрезы, за которые головы цеплялись на крюк. Раньше я прощупывал каждое такое отверстие, но сейчас я желал скорее все завершить и убежать к себе. Я резким движением рук нанизал голову парня, эхом раздался мокрый смакующий звук. Я сразу отвёл взгляд с намерением спускаться.

- Поверни его немного правее, Дол. Пусть он смотрит на этого старика, им будет о чём помолчать.

Мне снова пришлось прикоснуться к нему. Я аккуратно дотронулся его холодных щёк, чтобы развернуть лицо. Химическая липкость воска мгновенно въелась в кожу. Теперь наши глаза были друг напротив друга. Только его бирюзовый взгляд безучастно скользил куда-то мимо, а мои веки жгло от подступающих слёз.

- Отлично! - восторженно заявил отец и громко хлопнул в ладоши.

Я не мог разорвать этот зрительный контакт. Я слышал как отец давно ушёл, а я всё стоял на вершине лестнице в полной темноте. По моим щеками текли горячие слёзы.

Кое-как я спустился с лестницы, добежал до ванной и схватил жёсткую щётку для обуви. С особой жёсткостью я принялся тереть ладони, отчаянно пытаясь отскоблить с себя эту липкую, трупную грязь. Я тёр до тех пор, пока по коже не проступили первые капли крови. Голова сделалась каменной, тяжёлой, а мысли превратились в белый шум, забивающий уши.

Почти в слепую я добрёл до своей комнаты и толкнул дверь. Успел сделать всего три шага, как весь мир вокруг стремительно перевернулся. Лицо обожгло холодом, голова с силой ударилась о скрипучие половицы. Глухой стук собственного тела - последнее, что я запомнил перед тем, как я провалился в темноту.